

Дмитрий Леонидович Башкиров

*кандидат филологических наук,
доцент кафедры русской литературы
Белорусского государственного
университета
(Минск, Республика Беларусь)*
bashkirov_dl@mail.ru

Сергей Леонидович Шараков

*кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
Дома-музея Ф. М. Достоевского
(Старая Русса, Российская Федерация)*
ssharakov@yandex.ru

DOI: 10.15393/j10.art.2018.3541

ДОСТОЕВСКИЕ ИЗ ДОСТОЕВО: «БЕЛАРУСЬ И Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ» КАК ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о значении при изучении наследия Ф. М. Достоевского истории рода Достоевских на землях Великого княжества Литовского как реального источника религиозно-философских проблем, поставленных в творчестве писателя. Само строение исторических судеб трех восточнославянских народов, складывающихся из мировоззренческих крайностей, создавало вокруг себя полемическое пространство с многовековой предысторией, которое потенциально готово развиваться по катастрофическому сценарию. И в данном аспекте образная многозначность «полифонической» картины мира произведений Ф. М. Достоевского, где вера и разум не разделяются идеологической и политической осью зла, а помещаются в поток непосредственных человеческих переживаний и состояний, может стать необходимым условием, позволяющим избежать односторонности и тенденциозности при осмыслении проблемы бытования Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, род Достоевских, Беларусь, Достоево, Великое княжество Литовское, униатство, эмиграция, Русь

Изучение рода Достоевских, ведущего начало от Данилы Ивановича Иртищевича, открывает новый историко-культурный пласт, который вносит существенные уточнения в представление о базовых религиозно-философских исканиях Ф. М. Достоевского. Они наполняются реальным историческим содержанием, которое, в свою очередь, в художественном пространстве произведений писателя отходит от односторонности и тенденциозности, наделяясь образной многозначностью.

На определенном отрезке своего существования (конец XV — середина XVII вв.) род Достоевских оказался частью сложного, очень важного историко-культурного явления, которым была судьба земель Западной и Южной Руси в составе Великого княжества Литовского. Здесь сразу необходимо оговорить некоторые терминологические моменты. «Русь» и «русский» в значении «письмо» (письменность) — понятия, активно используемые представителями восточнославянской культуры внутри многонационального конгломерата, сложившегося в условиях Великого княжества Литовского. Причем они служили не для отождествления себя с кем-то или чем-то, а для самоидентификации и различения. Это прослеживается как на уровне высокой культуры («Бивлия руска» Франциска Скорины), церковной политики (например, сетования одного из активных сторонников унии Ипатия Поцея об «обидах» «русских владык» от мирян¹), так и в бытовом повседневном обиходе, о чем, в частности, могут свидетельствовать некоторые письменные источники, относящиеся к судьбе рода Достоевских (см. об этом: [Башкиров, 2007: 161], [Башкиров, 2008: 139]). Понятия «Русь» и «русский» до определенного этапа (XV–XVI вв.) обладали своеобразной суверенностью и устойчивостью по отношению к конфессиональным и политическим потокам в Великом княжестве Литовском. Они указывали прежде всего на принадлежность к восточнославянской (древнерусской) культуре и кирилло-мефодиевскому наследию как неотъемлемой ее составляющей. «Русский» в значении «письмо» использовалось именно в рамках этой традиции, а не свидетельствовало о принадлежности к неким «дохристианским» и «докириллическим» способам передачи слов с помощью греческого или латинского алфавитов [Дарашкевич: 187].

Судьбы представителей рода Достоевских переплелись с катаклизмами, которые выпали на долю тех земель, где им досталось жить. Достоевские XVI–XVII вв. на уровне своего повседневного существования были погружены в пучину роковых вопросов, решение которых обуревало их великого потомка. Многие из того, что волновало Ф. М. Достоевского: свобода выбора человека, католичество и Православие, взаимоотношения народа как носителя духовного строя бытия и «высшего сословия», искушаемого «духом самоуничтожения и небытия» — в конкретно-историческом виде отразилось в жизненных коллизиях его предков. Однако вопрос о связи предков Достоевского и их потомка амбивалентен.

Если судьба рода может стать реальным комментарием для прояснения вопросов, связанных с религиозно-философской проблематикой творчества писателя и особенностями их художественного воплощения, то, в свою очередь, наследие Ф. М. Достоевского является важным звеном в понимании сложных, многогранных процессов, определявших историю и культуру Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. Их судьбоносный характер для трех восточнославянских народов очевиден, но в силу своей значимости не предполагает никакой односторонности в осмыслении. Данные процессы антиномичны по своей природе. Они складывались из противоположных тенденций, центральные из которых — отношения Востока и Запада, церковной культуры и ее светской гуманистической версии, последнее соответственно указывало на проблему взаимодействия личного и индивидуального начал в человеческом существе.

Между Московским государством и Великим княжеством Литовским существовала не только зона отчуждения, но и особая форма взаимодействия. Носители общей культурной традиции попали в разные духовные измерения. Опыт нахождения в них стал не столько вызовом материнской культуре, сколько ее испытанием и утверждением логикой исторического движения.

Уже в современной Достоевскому русской историографии много писалось о важности этой темы для России. Судьба Юго-Западной Руси сравнивалась с зерном, упавшим в землю, плодом которого должен стать верный духовный и исторический выбор. Для Н. Я. Данилевского данный вопрос послужил поводом дать характеристику духовного состояния «высших слоев» русского общества, где «начали иссякать живой народный смысл и живое народное чувство», вытесненные «нелепыми гуманитарными бреднями» [Данилевский: 30]. Само строение проблемы, складывающейся из мировоззренческих крайностей, создавало вокруг себя полемическое пространство с многовековой предысторией, которое потенциально готово развиваться по катастрофическому сценарию. И в данном аспекте «полифоническая» картина мира произведений Ф. М. Достоевского, где вера и разум не разделяются идеологической и политической осью зла, а помещаются в поток непосредственных человеческих переживаний и состояний, оказывается уравновешивающим началом, необходимым условием для установления объективной точки зрения.

Как историософская проблема ситуация вокруг Юго-Западной Руси определяется главным образом вопросом об инакомыслии. Сперва Новгородская республика, а потом земли, вошедшие в состав Великого княжества Литовского, стали источником мировоззренческих движений, размывавших сложившуюся систему ценностей формирующегося Московского государства. Однако здесь следует различать два вектора этого противостояния. Первый пролегает в русле бинарной структуры средневекового мышления, порождающего оппозицию «Восток—Запад». Среди ее многообразных

модификаций для древнерусской культуры актуальным становится противопоставление «Византия—Европа», смысловое поле которого расположено между ситуацией «выбора веры» в «Повести временных лет» и Флорентийской унией, с последовавшим за ней падением Константинополя. Второй уходит своими корнями в глубины человеческого существа, искошаемого «запретной» мудростью. Первоначально этот вектор проявился в той непрерывной полемике древнерусских книжников с языческим («афинским») знанием, которая оставила след в памятниках церковной письменности. Впоследствии «знание» стало указывать на определенный тип поведения и мышления (индивидуализм и исключительность) человека, пытающегося не подчиниться, а подчинить себе религиозную картину мира. Два обозначенных явления тесно взаимодействуют друг с другом, наделены определенной степенью взаимообусловленности, но не тождественны. Первый вектор очевиден. В нем скрестились политические, исторические, социальные интересы эпох. Инакомыслие же в чистом виде характеризуется неоднозначностью — еще и потому, что его сущность может быть не понятна самому носителю.

Складывается определенный исторический тип (гуманистический). Он вызревает в рамках культурного пространства Древней Руси, на что указывает ряд литературных фактов (самый известный «Слово» или «Моление» Даниила Заточника), но одновременно не принимается и не опознается им.

В творческом сознании Ф. М. Достоевского художественное осмысление различий западного и восточного типов духовности и связанных с типами духовности философско-эстетических идей занимает значительное место (см. об этом: [Шараков, 2017: 96–118], [Шараков, 2018: 297–300]). В свою очередь, художественное осмысление гуманистического типа человека, его сознания и поведения в творчестве Ф. М. Достоевского дано не в его апологетике или отрицании, а представлено как сложный, неоднозначный феномен, воплощенный в образе «подпольного человека» [Башкиров, 1996: 20–28].

В перспективе исторического развития в духовном «заточничестве» автора-героя «Моления» видится уже не исключение из правил, а обобщение процесса кристаллизации индивидуального начала. Оно вырисовывается в рамках двух составляющих: критическое (скептическое) отношение к традиционному типу культуры, своеобразный духовный произвол, который трансформируется в социальное представление о свободе. Последнее складывается из конкретных политических категорий: неприятие института феодальной раздробленности и обоснование принципа единовластия (сильного князя), между которыми располагается индивидуальное пространство. Однако это только схема. В своей исторической действительности духовное «подполье» индивидуального начала как определенная мировоззренческая доминанта, характеризующая «пограничное» поведение человека, — явление сложное и неоднородное. Так, например, знаменитый

древнерусский эмигрант князь А. М. Курбский, с которым пересекались пути Федора Ивановича Достоевского, предка писателя², бежит от деспотизма Ивана Васильевича Грозного. Он воспринимает личность царя как не соответствующую православному культурному типу. Обосновавшись в Великом княжестве Литовском, А. М. Курбский становится обличителем своего политического оппонента и одной из центральных фигур православного просвещения в Юго-Западной Руси. Но в контексте документов, относящихся к истории рода Достоевских, мы его видим со стороны семейных неурядиц и бракоразводных процессов. И уже представители следующего поколения князей Курбских становятся католиками.

«Западнорусский» компонент наблюдается в знаменитых новгородско-псковских ересях XIV–XVI вв. Однако он не только воздействует, но и формируется в Московском царстве, проникая в Великое княжество Литовское в качестве различных видов эмигрантов: религиозных («нестяжатели»), интеллектуальных (Феодосий Косой), политических (кн. А. М. Курбский). С другой стороны, знаменитые апологеты самодержавной царской власти или имеют «литовское» происхождение (преп. Иосиф Волоцкий), или представляют социальные типы, образованные историческими реалиями Великого княжества Литовского (Иван Пересветов).

Само появление рода Достоевских как документального факта непосредственно связано с процессом эмиграции-перемещения древнерусских князей из Московского государства в Великое княжество Литовское и обратно. пожалование Даниле Ивановичу Иртищевичу Полкотического имения (в том числе и «дворища» в селе Достоево), датируемое октябрём 1506 г., было сделано потомком боровско-серпуховских князей Федором Ивановичем Ярославичем. Боровско-серпуховские князья с начала XIV в. имели династические связи с Великим княжеством Литовским. В свою очередь, гипотетическая, не подтвержденная документально история происхождения рода Достоевских основана на пересечениях с этим княжеством, в частности с отъездом в Литву, а потом возвращением из нее в 1446 г. деда Федора Ивановича и бегством в 1456 г. его отца [Башкиров, 2005: 159]. Близость с боровско-серпуховским княжеством оказывается своеобразным источником косвенных сведений о предыстории рода Достоевских. С одной стороны, именно с этим княжеством связано самое раннее, а затем и наиболее частотное упоминание в письменных источниках имени-прозвища Ртище-Ртищевы [Башкиров, 2005: 159], [Башкиров, 2008: 132–133]. С другой — первое упоминание схожего прозвища — Степан Иртище — в Литовской метрике относится ко времени пребывания в Великом княжестве Литовском князя Василия Ярославича и возникло в связи с названием земель, которые ему были пожалованы: «А Степану Иртище Леповица, тамъ же за Мезоцкомъ и ма в отчизну»³. При этом бросается в глаза то, что все

древнерусские источники устойчиво используют образование *Ртище(о)-Ртищев* (с этимологией от «рот»), а литовские — *Иртище*, что может указывать на род занятий (охотник)⁴ [Башкиров, 2005: 165–166].

Таким образом, начало истории рода Достоевских напрямую связано с процессом эмиграции, что отмечалось исследователями [Волоцкой]. Однако этот факт не позволяет говорить однозначно о боровско-серпуховском истоке рода. Во-первых, сама частотность и одновременно устойчивость использования в древнерусских документах прозвища *Ртище-Ртищев* и единственность литовского варианта *Иртище*, от которого образуется именование первого представителя рода Данилы Ивановича, указывает на местные особенности и косвенно связывает происхождение рода со Степаном Иртище. Во-вторых, если ранее родоначальник Данилевичей, а потом Достоевских фигурировал в пинском княжестве в единственном числе, то впоследствии были обнаружены его семейные связи в лице предположительно матери Татьяны Ивановой Ртищевичевой и брата Григория Ивановича Иртищевича Бруяки [Башкиров, 2007: 154–158]. Написание *Ртищевичева* не должно вводить в заблуждение. Подлинник документа от 14 мая 1506 г. был утрачен еще в начале XVII в., сохранились более поздние выписки из него [Башкиров, 2007: 155]. Причем их содержание позволяет предположить, что пожалование Даниле Ивановичу (октябрь 1506 г.) было подтверждением прав на часть наследства, а не собственно дарением.

Фамилия *Достоевские* появляется во втором поколении Иртищевичей. Основная часть Полкотического имения отходит, по-видимому, к старшему сыну Данилы Ивановича Семену. Достоевским начинает именоваться другой его сын — Иван [Башкиров, 2005: 167–168], [Башкиров, 2008: 137]. Сыновья Ивана Даниловича Достоевского: Сасин, Стефан, Рафал, Федор — образуют три ветви рода [Башкиров, 2008: 130–131], к одной из которых принадлежал Ф. М. Достоевский. «Пинская» часть рода складывается, скорее всего, из потомков *Сасина Ивановича Достоевского*. Ее характеризует традиционность и типичность, что проявилось в активности представителей этого ответвления Достоевских во всех сферах жизни Великого княжества Литовского: от политической и служебной до имущественной. Они создавали семейные связи с самыми известными фамилиями «пинского повета»: Ордами, Корженевскими, Скирмутаи [Башкиров, 2007: 137–143]. Особая их активность приходится на XVII век. Эта та часть рода, которая срослась с историей и культурой Речи Посполитой, стала их носителем и выразителем. Одной из главных ценностей для этого культурного типа было поддержание своего «шляхетского» достоинства, чем представители «пинской» ветви, если проанализировать сохранившиеся документальные материалы, и занимались сознательно или бессознательно. Поэтому с определенной долей уверенности можно сказать, что никто из них не мог утратить свое дворянское состояние и перейти в духовное сословие, как это произошло с предками Ф. М. Достоевского.

Такой поворот более вероятен для потомков *Федора Ивановича Достоевского*, покинувшего по каким-то причинам родные места и оказавшегося на землях современной Украины. Он сблизился со знаменитым древнерусским диссидентом князем А. М. Курбским и вел в судах его семейные дела. Род деятельности Федора Ивановича показывает, что его положение строилось на покровительстве кн. А. М. Курбского. С его утратой все могло кардинально поменяться. Для потомков Федора Ивановича Достоевского вполне возможен переход в духовное сословие как вынужденная мера, а вместе с ней и сохранение своего православного статуса в униатстве.

«Минская» ветвь рода, ведущая начало от самого известного по историческим источникам представителя фамилии *Стефана Ивановича Достоевского* [Башкиров, 2005: 168–176], по характеру своего развития могла или утвердиться в «шляхетском» качестве и перейти в католицизм, или сознательно остаться в православии. Второй вариант в большей степени отвечает судьбе самого Стефана Достоевского. В качестве непосредственного предшественника Михаила Рагозы на посту наместника Минского Вознесенского монастыря он оказался в эпицентре событий по подготовке Брестской унии. После отстранения начинается полоса жизненных неурядиц, которая завершается уголовным делом против его дочери Марыны, обвиняемой в убийстве. Стефан Достоевский сам фигурирует в деле: используя свое служебное положение «писаря гродского Менского», он вписал фальшивое завещание в государственные акты. Следующее упоминание о нем относится к 1624 г.: Стефан Достоевский оказывается во Львове перед иконой Божьей Матери. Само нахождение его на склоне лет в одном из западнорусских центров православного движения, где было создано в 1583 г. Львовское братство, объединявшее мирян в отстаивании своих традиционных верований, знаменательно. Но именно глубоко личная, исключительная сторона этого факта, вырастающая из трагических обстоятельств и ситуаций жизни родоначальника «минской» ветви Достоевских, как раз и не позволяет распространить его на последующие поколения. Судьба Стефана Достоевского, безусловно, важная часть духовной истории рода, наложившая на него свой отпечаток, но не возможная модель, по которой могло пойти его естественное развитие. Здесь приоритет за тем историческим типом, который представляет собой линия Федора Ивановича Достоевского.

В данном аспекте бросаются в глаза слагаемые жизни отца писателя М. А. Достоевского. Старший сын униатского священника рвет со своим сословием, семьей и строит жизнь, не оглядываясь на прошлое, на новом месте, в новом социальном качестве. В этом поступке узнаются его предки — как те, что стоят у истоков рода, Иртищевичи, так и те, что, как Федор Иванович, покидали «пинские» пенаты в поисках новых возможностей. Но одновременно это было возвращение из священнического сословия в дворянское. М. А. Достоевский шел своим путем к тому «шляхетскому»

состоянию «пинских» родственников, которого безуспешно добивалась утратившая его «украинская» ветвь рода. И он получил желаемое, выслужив личными заслугами потомственное дворянство и обосновавшись помещиком в Даровом, которое совсем не случайно созвучно Достоеву. И именно судьба рода позволяет увидеть в житейском поступке, в самом характере отца писателя сфокусированные в них исторические, социальные, мировоззренческие коллизии, к которым прямо или косвенно были причастны Достоевские на протяжении нескольких веков.

Таким образом, можно повторить мысль о двусторонности обозначенной в названии проблемы — связи наследия Ф. М. Достоевского и истории рода Достоевских. Безусловно, одна из перспективных задач для исследователей — выявление воздействия на творчество Ф. М. Достоевского истории рода его предков. В ней скрестились важнейшие религиозно-философские, государственные, политические проблемы XVI–XVII вв., оставшиеся актуальными и для XIX–XXI столетий. Однако помимо фактов непосредственного обращения Ф. М. Достоевского к жизни своих предков, интереса к ключевой проблеме истории Юго-Западной Руси — Православию и католицизму, — в его творчестве исключительное положение занимают образ и судьба отца, трансформировавшиеся в романах писателя в различные вариации темы семьи. Но как раз в произведениях Ф. М. Достоевского эта тема выходит за свои «биографические» рамки и наделяется историософским смыслом как способ постижения судеб трех восточнославянских народов, для всестороннего понимания которых наследие писателя — необходимый и уникальный источник.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Памятники полемической литературы в Западной Руси // Русская историческая библиотека. Т. 7. СПб., 1882. Стб. 116–117.
- ² См. об этом: Жизнь князя Андрея Михайловича Курбского в Литве и на Волыни. Киев: Лито-тип. Вальнер, 1849. Т. 1, 2. Т. 1. 338 с.; Т. 2. 366 с.
- ³ Литовская метрика. Книга записей № 3 (1440–1498). Вильнюс, 1998. С. 37.
- ⁴ «рты», «ирта» — лыжи, лыжа. Вариант, распространенный в орловско-трубчевской области, — охотничьи лыжи (см. об этом: [Хроника рода Достоевских: 19]).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Башкиров Д. Л. Феномен «подпольного сознания» в творчестве Ф. М. Достоевского и в древнерусской литературе // Достоевский и современность: материалы X Международных Старорусских чтений 1995 года. — Старая Русса, 1996. — С. 20–27.
2. Башкиров Д. Л. Род Достоевских на землях Великого княжества Литовского в XIV–XVI веках // Филологические записки. — Воронеж, 2005. — Вып. 23. — С. 157–177.
3. Башкиров Д. Л. История рода Достоевских: новые материалы // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. — 2007. — № 4. — С. 151–164.

4. Башкиров Д. Л. История рода Достоевских и творчество Ф. М. Достоевского // Три века русской литературы: Актуальные аспекты изучения: межвузовский сборник научных трудов. — Иркутск, 2008. — Вып. 18: 500 лет Роду Достоевского. — С. 128–150.
5. Волоцкой М. В. Хроника рода Достоевского 1506–1933. — М.: Север, 1933. — 442 с.
6. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. — М.: Книга, 1991. — 576 с.
7. Памятники полемической литературы в Западной Руси // Русская историческая библиотека. — СПб., 1882. — Т. 7.— Стб. 116–117.
8. Шараков С. Л. Мотив «рыцарской платонической любви» в романе «Идиот» // Достоевский и мировая культура. — СПб., 2017. — № 35. — С. 96–119.
9. Шараков С. Л. Теофании в романе «Братья Карамазовы» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — Тамбов, 2018. — № 4 (82). — Ч. 2. — С. 297–300.
10. Дарашкевич В. Пасляслоўе, каментарыі і бібліяграфія // Мікола Гусоўскі. Песня пра Зубра. — Минск, 1980. — 192 с.
11. Хроника рода Достоевских / под ред. И. Л. Волгина; Волгин И. Л. Родные и близкие: историко-биографические очерки. — М.: Фонд Достоевского, 2012. — 1232 с.

Дата поступления в редакцию: 25.05.2018

Dmitriy L. Bashkirov

*Ph.D. in Philology,
Associate Professor of the Department of Russian Literature
of Belarusian State University
(Minsk, Republic of Belarus)*

bashkirov_dl@mail.ru

Sergey L. Sharakov

*Ph.D. in Philology,
Senior Scientist Researcher of
F. M. Dostoevsky Memorial House-Museum
(Staraya Russa, Russian Federation)*

ssharakov@yandex.ru

THE DOSTOEVSKYS FROM DOSTOEVO: “BELARUS AND F. M. DOSTOEVSKY” AS THE OBJECT OF RESEARCH

Abstract. The article examines the question of significance of the history of the Dostoevsky dynasty on the lands of Grand Duchy of Lithuania while studying F. M. Dostoevsky’s literary heritage. It can be considered as a real source of the religious and philosophical problems exposed in the writer’s creative works. The structure of historical destinies of three East Slavic peoples formed by world view extremes created a polemic scope with centuries-old background which potentially seems to follow a catastrophic scenario. In this aspect the imaginative polysemy of the “polyphonic” picture of the world in the writings of F. M. Dostoevsky, where belief and mind aren’t separated by an ideological and political axis of the evil, but located in a stream of direct human experience and states, can become a necessary condition to avoid unilaterality and tendentiousness while judging the problem of the existence of Southwest Rus’ as a part of Grand Duchy of Lithuania.

Keywords: F. M. Dostoevsky, the Dostoevsky dynasty, Belarus, Dostoevo, Grand Duchy of Lithuania, unification, Rus’, emigration

REFERENCES

1. Bashkirov D. L. The Fenomen of the “Underground Consciousness” in F. M. Dostoevsky’s Creative Work and in Old Russian Literature. In: *Dostoevskiy i sovremennost’: materialy X Mezhdunarodnykh Starorusskikh chteniy 1995 goda [Dostoevsky and Modern Age: the 10th International Readings in Old Russian Culture. Proceedings of 1995]*. Staraya Russa, 1996, pp. 20–27. (In Russ.)
2. Bashkirov D. L. The Dostoevsky Dynasty on the Lands of the Grand Duchy of Lithuanian in the 14th–16th Centuries. In: *Filologicheskiye zapiski*, 2005, issue 23, pp. 157–177. (In Russ.)
3. Bashkirov D. L. The History of the Dostoevsky Dynasty: New Materials. In: *Vestnik Rossiyskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda [Bulletin of the Russian Humanitarian Scientific Foundation]*, 2007, no. 4, pp. 151–164. (In Russ.)
4. Bashkirov D. L. The History of the Dostoevsky Dynasty and F. M. Dostoyevsky’s Creative Work. In: *Tri veka russkoy literatury: Aktual’nye aspekty izucheniya [Three Centuries of Russian Literature: Topical Aspects of Studying]*. Irkutsk, 2008, issue 18, pp. 128–150. (In Russ.)
5. Volotskoy M. V. *Khronika roda Dostoevskogo 1506–1933 [The Chronicle of the Dostoevsky Dynasty]*. Moscow, Sever Publ., 1933. 442 p. (In Russ.)
6. Danilevskiy N. Ya. *Rossiya i Evropa [Russia and Europe]*. Moscow, Kniga Publ., 1991. 576 p. (In Russ.)
7. The Monuments of Polemic Literature in the Western Russia. In: *Russkaya istoricheskaya biblioteka [The Russian State Public Historical Library]*. St. Petersburg, 1882, vol. 7, pp. 116–117. (In Russ.)
8. Sharakov S. L. The Motif of “Courtly Platonic Love” in the Novel “Idiot”. In: *Dostoevskiy i mirovaya kul’tura [Dostoevsky and World Culture]*. St. Petersburg, 2017, no. 35, pp. 96–119. (In Russ.)
9. Sharakov S. L. Teofaniya in the Novel “The Brothers Karamazov”. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philological Studies. The Questions of Theory and Practice]*. Tambov, 2018, no. 4 (82), part 2, pp. 297–300. (In Russ.)
10. Darashkevich V. Epilog, Comments and Bibliography. In: *Nikolay Gusovskiy. Pesnya pro Zubra [Nikolay Gusovsky. A Song About a Bison]*. Minsk, 1980. 192 p. (In Belarus.)
11. *Khronika roda Dostoevskikh; Igor’ Volgin. Rodnye i blizkie: Istoriko-biograficheskie ocherki [The Chronicle of the Dostoevsky Dynasty; Igor Volgin. Relatives: Historical and Biographical Essays]*. Moscow, Fond Dostoevskogo Publ., 2012. 1232 p. (In Russ.)

Received: May 25, 2018